

ROSJA W DIALOGU KULTUR

---

tom II

pod redakcją
Bożeny Żejmo

WYDAWNICTWO NAUKOWE
UNIwersytetu Mikołaja Kopernika

Spis treści

ROSJA – EUROPA. WIZJE I REWIZJE

МАРИАН БРОДА: Русские вопросы о Достоевском и России	11
IZABELA LIS-WIELGOSZ: Recepcja idei Moskwy – Trzeciego Rzymu (na przykładzie staroserbskiej epistolografii)	25
МАРИНА Д. КУЗЬМИНА: Путешествие как духовное странничество в творчестве В.С. Печерина (поиск родины русским европейцем)	37
БОЖЕНА ЖЕЙМО: «Можно было бы здесь устроить рай земной». Болгария в жизни и творчестве Всеволода Гаршина	51
MAŁGORZATA BURZYŃSKA: Triumf cywilizacji, nieszczęście człowieka. Życie wielkiego miasta w wizjach Aleksandra Błoka i Oswalda Spenglera	65
WAWRZYNIEC POPIEL-MACHNICKI: Wiktora Jerofiejewa rozmyślania o Europie	77

POLSKO-ROSYJSKIE WIĘZI KULTUROWE

МАРИНА С. КОСТЮХИНА: Русско-польские связи на материале настольно-печатных игр	89
JOANNA A. GETKA: Rosja w drukach polskich wydanych w okresie Sejmu Wielkiego i rozbiorów Rzeczypospolitej (na materiale wydań drukarni bazyliańskich)	105
ПЕТР ГЛУШКОВСКИЙ: «Не то беда, что ты поляк» – история конфликта Александра Пушкина с Фаддеем Булгариным	117
ELŻBIETA MIKICIUK: <i>Płomienie</i> Stanisława Brzozowskiego jako <i>anty-Biesy</i> Fiodora Dostojewskiego	129

- Юлия С. ПОДЛУБНОВА: Варшава в романе Александра Савчука
Так начиналась жизнь 141
- KAMIL DŹWINEL: „Pomódl się, pomódl za Jesienina”. Krzysztofa Marii
Sieniawskiego dialogi z kulturą rosyjską 149

CZASOPÍSMIENNICТWO I PUBLICYSTYKA

- MAGDALENA DĄBROWSKA: Czasopiśmiennictwo rosyjskie wobec
tendencji literackich swoich czasów („Вечера”, 1772 r.) 163
- Ирина Е. ПРОХОРОВА: Идея диалога и критико-публицистическая
стратегия Виссариона Белинского 177
- МАГДАЛЕНА СТАСЯК: «Великий пересмотр» уверенностей и убежде-
ний: Вторая мировая война в корреспонденции Михаила Осор-
гина – *Письма о незначительном* 189

W ŚWIECIE POEZJI

- Ольга Е. РУБИНЧИК: «В объятой пожарами, скорбной Польше...».
Польша Анны Ахматовой 203
- ЕЛЕНА М. ЯНЧУК: «Метафизическая эмиграция» Марины Цветаевой 219
- Людмила ЯЧНИК: Анна Ахматова, Борис Пастернак в художествен-
ном мире Александра Кушнера. Аспекты интертекстуальности 233

DIALOG SZTUK

- JOANNA NOWAKOWSKA-OZDOVA: Iwan Turgieniew a tradycja gotycka 249
- ИННА ПАНЕК: Поэзия Марины Цветаевой а живопись Михаила
Врубеля 261
- ROMAN K. KULIGOWSKI: *Inkwizycja*. Kilka uwag na temat brytyjskiej
adaptacji filmowej „Wielkiego Inkwizytora” Fiodora Dostojewskiego 275

ROSJA SOWIECKA. MITY I RZECZYWISTOŚĆ

- Олег В. РЯБОВ: «Родина-мать» в легитимации и делегитимации
российской власти 287

ГУНДЕГА ГАЙЛИТЕ: «Россия-медведь» в латышской карикатуре периода первой республики (1918–1940)	301
МОНИКА М. ГОЩИНСКА: «И подняли-то его на возвышение» – героический образ Ленина в новинах и его источники	313
ИРИНА В. КОЗЛОВА: «Теперь женщины в колхозах бригадирами»: советский феминизм в творчестве сказителей в 1930-е гг.	327
ЛУКАШ ГЕМЗЯК: Журнал «Наш Современник» в дискуссии о <i>Детях Арбата</i> Анатолия Рыбакова	343
JOLANTA GREŃ-KULESZA: Współistnienie kultury rosyjskiej i radzieckiej w XX wieku. Powieść Ludmiły Ulickiej <i>Szczerze oddany Szurik</i>	357
ПАТРУСЯ СПУТЕК: Gustawa Herlinga-Grudzińskiego poszukiwania „innej” Rosji	369

XXI WIEK. NOWE IDEE, NOWE STRATEGIE

БАРБАРА ОЛЯШЕК: «...Вещи, о которых говорят, думают или мечтают люди...». Потребление как проблема Новой России	381
ALEKSANDRA ZYWERT: W labiryncie światów umysłu, czyli o <i>Hełmie grozy</i> Wiktora Pielewina	393
ЕЛЕНА А. МИХАЛИК: Жанровая эволюция творчества Виктории Платовой: от детективного триллера к постмодернистскому роману	405

KULTURA ŚMIECHU

ВЯЧЕСЛАВ А. ПОЗДЕЕВ: Фольклорная смеховая культура на сцене (теория и практика)	419
ТАТЬЯНА ЯНКОВСКА: Петербург и Лондон как карнавальная пара. Городское пространство в творческом диалоге Ф.М. Достоевского и Ч. Диккенса	429
РОМАН В. ШУБИН: Образ дурака в творчестве В.М. Шукшина	443

TRADYCJE I OBRZĘDY

ВЛАДИМИР Я. ТЕМПЛИНГ: Механизмы формирования репертуара заговоров фольклорной традиции	457
--	-----

Юлия А. Крашенинникова: <i>Адская Газета</i> в русских свадебных приговорах	469
МАРИНА И. БАЙДУЖ: Домовой в актуальных верованиях коми западной Сибири	481
ЕЛЕНА Ф. ЮГАЙ: Птица в русских причитаниях похоронно-поминального цикла	495
RAFAŁ SIWICKI: Obraz śmierci w <i>Łaciatym psie biegnącym brzegiem morza</i> Czyngiza Ajtmatowa	511

FOLKLORYSTYKA DZISIAJ

Ирина А. Филиппова: Полевая фольклористика: региональный опыт или тенденции современной науки?	525
JANINA NAJDUK-NIĄKOWSKA: Opowieść wspomnieniowa jako przedmiot badań współczesnej folklorystyki	535
АГНЕСКА ГОЛЕМБИОВСКА-СУХОРСКА: О чем говорят школьные граффити?	547

ROSJA – EUROPA.
WIZJE I REWIZJE

Русские вопросы о Достоевском и России

Мариан Брода

(Лодзь, Польша)

«ПОНЯТЬ ДОСТОЕВСКОГО» – «ПОНЯТЬ РОССИЮ»?

В центре русской интеллектуальной и вообще культурной традиции, а также мысли Федора Достоевского в особенности, веками находятся вопросы о предназначении России. Главным мотивом предпринимаемых русскими попыток окончательно распознать и определить собственную идентичность по-прежнему зачастую остается финалистски понятый замысел «понять Россию», а вопросы о России фактически опосредуют в них существенным образом вопросы своих авторов о мире, *sacrum*, человеческой природе и самих себе. В то же время Достоевскому в России почти единодушно отводится центральное место в национальной традиции и статус крупнейшего из (не только русских) мудрецов и пророков. Этому способствует очень прочная и распространенная в русской мысли и культуре тенденция к тому, чтобы видеть в России «мировую душу» – своеобразный «микрокосм» или модель мира, в русском человеке – модель человечества, а в мысли и творчестве Достоевского – воплощенный голос Русской Правды. Вследствие вышеизложенного задаваемые русскими вопросы о «русской душе», о России и самих себе – опосредованные зачастую именно вопросами о Достоевском – приобретают в их коллективном сознании универсальный, мировоззренческий и философский, а иногда также религиозный характер, становясь в то же время вопросами о мире, человечестве и правде вообще.

Поэтому можно ожидать, что анализ вопросов о России, задаваемых Достоевским и его соотечественниками, даст возможность эвристически плодотворного анализа как творчества, мысли и фигуры Великого Писателя, с одной стороны, а также способа понимания его русскими с другой, так и гораздо более широкой русской философской, интеллектуальной и культурной традиции. Так происходит особенно тогда, когда уже используются возможности, связанные с посткантианской теоретической перспективой, позволяющей распознать и проблематизировать субъектно-объектное *a priori*, которое эти вопросы предполагает, одновременно его совместно с другими творя и распознавая [ср.: Siemek 1982: 17, 42–44]. Ибо изучение русской мысли, традиции и самосознания, и прежде всего присутствующих и культивируемых в нем стремлений к самопознанию явным образом показывает, что ни вопросы о России вообще и о Достоевском в частности по отношению к своему объекту (к тому, что понимают и распознают как свой объект), ни этот объект по отношению к ним фактически не являются нейтральными.

Всякая познавательная попытка, определенная вопросом о России – или вопросом о Достоевском – и финалистским замыслом ее/его понимания или демонстрацией ее/его интеллектуальной непознаваемости, неизбежно остается актом субъектным, философским, мировоззренческим, зачастую также квазирелигиозным и даже мистическим. Ибо находимые в результате этого акта «сущность» и – шире – «объектность» русскости, «русской души» или «души России» и – аналогично – «души Достоевского» не являются чем-то выходящим за рамки самозапускающегося смысловторного процесса, а всякий раз представляют собой коррелят определенной культуротворной интенции. Субъект и объект познавательных отношений взаимопредполагаются там и взаимопродолжаются как результаты определенных смысловторных процессов, направляемых намерением «понять Россию» – в рассматриваемом случае опосредованным предварительным или даже не различаемым с первым намерением «понять Достоевского» – и одновременно «понять себя» субъекта, задающего вопрос о России (а также о Боге, мире, истории, истине, добре, красоте, бренности, вечности и т. п.) именно таким, а не иным образом.

Финалистские замыслы «понять Россию» – и «понять Достоевского» – сопровождаются, обычно неосознанно, но в то же время неизбежно, соответствующей им проекцией смысла, априорно предполагающей определенный порядок предметности, понимаемой как эксклюзивно самопознаваемая Действительность. Намерение «понять Россию» вообще, а «понять Достоевского» в частности связано и взаимоопределяется намерением понять самого себя, а констатация их «тайны» или – наоборот – представление решения их «загадки» влекут за собой определенные ответы на вопросы о природе субъекта, задающего эти вопросы, о возможности понять русскими самих себя. В обоих случаях получаемые характеристики, однако, фактически не относятся ни к абсолютизируемому в своей эксклюзивности познающему субъекту вообще, ни к самому по себе бытию, они имеют отношение к субъекту и предметности, всякий раз представляющим собой взаимосвязанные и взаимообусловленные корреляты определенного познавательного отношения.

РОССИЯ ДОСТОЕВСКОГО

В предлагаемой перспективе в отношении к мысли Достоевского, а также ее месту и способу рецепции и интерпретации в русской интеллектуально-культурной традиции, в контексте задающихся в России вопросов о России, ее сути, смысле существования, миссии, посланничестве, призвании и т. п. удобной исходной точкой для рефлексии становится, как я думаю, тот момент, когда в словах Достоевского с энтузиазмом и почти единодушно был услышан давно ожидаемый голос Русской Правды. Я имею в виду 8 июня 1880 г., когда Федор Достоевский по случаю открытия московского памятника великому национальному поэту произнес подытоживающую его многолетние размышления знаменитую *Речь о Пушкине*. Как он писал жене, это был день его великого триумфа: «Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике, когда я закончил. Я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими,

не ненавидеть вперед друг друга, а любить» [Достоевский 1988: 184–185].

По мнению Анджея Валицкого, выраженная в *Речи* – размещающая свое желанное осуществление не в ином, а в историческом мире – тоска «по „гармонии“, по миру без обид и насилия, по всемирному братству была остатком юношеских идеалов писателя [...]. Ведь само выражение „мировая гармония“ происходило из словаря „петрашевцев”» [Walicki 1973: 474] – группы русских интеллигентов, поглощенных чтением социалистических книг, прежде всего произведений Фурье и фурьеристов. Представленное объяснение несомненно указывает на очень значимый момент, а также аспект эволюции позиции и мировоззрения писателя; однако также возникает вопрос, почему так много слушателей и читателей увидело в *Речи* желанное слово Правды, хотя, вероятно, лишь некоторые из них переживали в своей жизни подобные «петрашевские» увлечения.

В свете его собственной *Речи о Пушкине* мировоззренческая динамика Ф.М. Достоевского проходила в рамках (типичной для мифического мышления вообще) трехфазной концепции времени, охватывающей поочередно 1) первичное единство; 2) состояние разобщенности и внутреннего раскола; 3) повторное, зрелое единство, обогащенное самосознанием, полученным во второй фазе. Это не касалось, однако, лишь эволюции его собственной позиции и мысли, окончательно ведущей к частичному возврату к сфере юношеских идеалов, понимаемых позднее в общей православной перспективе, обрисованной в то же время таким образом, чтобы поместить в нее также близкие ему социалистические элементы. Ибо аналогичный тройной ритм отличает историософское понимание Достоевским судеб России: их ожидаемым осуществлением должен был стать возврат к общинному единству ранее отчужденных под влиянием «европейского обучения» от родного народа русских образованных слоев. Период отчужденности принес им, по убеждению писателя, «беспримерное расширение горизонта», но и обреч на «скитания», потерянность, бессилие и пустоту, усиливая драматическую потребность возвращения к обогащенной им национальной общности. В соответствии с вышеизложенным произведенная писателем трехфазная периодизация истории Рос-